

ЧУЖИЕ КЛЮЧИ



СОФИЯ ВУЛ

София Вул

Чужие ключи

«Автор»

2026

Вул С.

Чужие ключи / С. Вул — «Автор», 2026

Покупая старый дом, Марина надеялась начать жизнь заново. Но найденный под половицей ключ открывает путь к тайне исчезнувших детей и сломанных судеб. Вместе с Павлом она начинает расследование, которое объединяет матерей, потерявших своих детей, и взрослых людей, узнавших правду о собственном происхождении. Каждый новый ключ приближает героев к разгадке — и заставляет решать, смогут ли они принять прошлое, не потеряв любовь и право самим распоряжаться своей жизнью.

© Вул С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дом, которого она не выбирала	6
Глава 2. Сосед	13
Глава 3. Девушка из архива	20
Глава 4. Письмо без адреса	26
Глава 5. Человек на фотографии	31
Глава 6. Сын своего отца	36
Глава 7. Пять ключей	42
Глава 8. Чемодан Елены	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

София Вул

Чужие ключи

ЧУЖИЕ КЛЮЧИ

роман

София Вул

Глава 1. Дом, которого она не выбирала

— Ты всё-таки уезжаешь?

Марина закрыла чемодан и только после этого посмотрела на мужа. Сергей стоял в дверях спальни, засунув руки в карманы домашних брюк. В его голосе не было ни раскаяния, ни тревоги. Лишь лёгкое раздражение человека, которого заставили прервать важное совещание из-за какой-то бытовой неприятности.

За двадцать три года брака Марина научилась различать малейшие оттенки его интонаций. Сейчас Сергей был недоволен. Не потому, что жена уходила. Потому что она выбрала для этого неудобное время.

— Я уезжаю, — ответила она.

— Куда?

— К морю.

Он усмехнулся.

— Очень содержательно.

Марина опустила взгляд на чемодан. Когда-то они покупали его вместе перед первой поездкой в Италию. Сергей полчаса спорил с продавцом из-за царапины возле колёсика, добился скидки и потом весь вечер гордился собой. В Риме шёл дождь, они заблудились возле площади Навона, смеялись и ели горячую пиццу под чужим балконом. Тогда Марине казалось, что любой город станет родным, если рядом этот мужчина.

Теперь чемодан выглядел почти новым. Наверное, потому, что последние годы они никуда не ездили вместе.

— Ты купила билет? — спросил Сергей.

— Дом.

Впервые на его лице появилось настоящее выражение.

— Что?

— Я купила дом у моря.

— Какой ещё дом?

— Обыкновенный. Старый. С крышей, окнами и дверью.

— Марина, не говори загадками.

— Я не говорю загадками. Я купила дом в Приозёрске.

Сергей вышел из дверного проёма и приблизился к ней.

— На какие деньги?

Этот вопрос Марина ожидала услышать раньше остальных. Не почему. Не надолго ли. Не собирается ли она вернуться. Только — на какие деньги.

— На свои.

— У тебя нет своих денег.

Произнёс он это спокойно, почти доброжелательно. Так говорят ребёнку, который уверяет, что за диваном живёт дракон.

Марина распрямилась.

— Оказывается, есть.

На её имя был открыт счёт, о котором Сергей давно забыл. Когда умерла мать, Марина продала её квартиру. Сергей тогда предложил вложить деньги в расширение компании, но она впервые отказалась. Сказала, что хочет сохранить хоть что-то, принадлежавшее только ей. Муж пожал плечами и больше к этому разговору не возвращался. Вероятно, считал сумму слишком незначительной, чтобы обращать внимание.

Большая часть денег пролежала в банке восемь лет. Теперь их почти не осталось.

— Ты сошла с ума, — сказал Сергей.

— Возможно.

— Ты хоть видела этот дом?

— На фотографиях.

— На фотографиях! — Он рассмеялся. — Ты купила развалину в городе, где никогда не была, и собралась там жить?

— Да.

— Чтобы наказать меня?

Марина задумалась.

Две недели назад она вошла в кабинет мужа без стука. Не из подозрительности. Ей понадобились документы на машину, а Сергей не отвечал на телефон. Он стоял возле окна, обнимая Кристину — руководителя отдела продаж и давнюю знакомую их семьи.

Марина не закричала. Не уронила сумку. Не потребовала объяснений. Она просто посмотрела на них и подумала, что Кристина очень неудачно выбрала платье. Зелёный цвет делал её лицо усталым.

Сергей медленно убрал руку с талии любовницы.

— Марина, давай спокойно поговорим.

Именно это они и сделали. Спокойно поговорили. Сергей объяснил, что отношения с Кристиной начались недавно, хотя Марина знала: люди, заставшие их в такой момент, всегда произносят слово «недавно». Он сказал, что не хотел причинять ей боль. Что их брак давно превратился в привычку. Что они оба это понимали, но боялись признать.

Марина слушала и кивала.

Она не понимала. Для неё их брак не превращался в привычку. Она любила Сергея. Готовила ему кофе, помнила, какие таблетки он принимает от давления, выбирала подарки для его деловых партнёров, устраивала семейные праздники и терпеливо ждала, когда закончится очередной трудный период в компании. Она считала себя женой. Оказалось — была привычкой.

Вечером Сергей не вернулся домой. На следующий день Марина нашла объявление о продаже старого дома в Приозёрске.

Море начиналось сразу за садом. По крайней мере, так написал хозяин.

— Нет, — сказала она. — Я не хочу тебя наказывать.

— Тогда что ты делаешь?

— Уезжаю.

— Можно уехать на неделю. Снять гостиницу, прийти в себя. Зачем покупать дом?

Марина провела ладонью по крышке чемодана.

— Чтобы мне было куда не возвращаться.

Сергей несколько секунд молчал.

— Это из-за Кристины?

— Нет. Из-за меня.

— Что это значит?

— Я пока не знаю.

Он вздохнул, демонстрируя терпение.

— Послушай. Мы можем всё обсудить. Я не выгоняю тебя из квартиры. Более того, я готов оставить её тебе. Компания тоже принадлежит нам обоим, хотя ты никогда не занималась делами. Мы наймём адвокатов и спокойно договоримся.

— Квартира мне не нужна.

— А что тебе нужно?

Марина посмотрела на мужчину, с которым прожила больше половины своей жизни.

— Узнать, что от меня останется, если убрать тебя.

На этот вопрос у Сергея ответа не было.

Он помог донести чемодан до машины. Возможно, из чувства вины. Возможно, боялся, что Марина передумает и останется. На прощание попытался обнять её, но она отступила.

— Позвони, когда приедешь.

— Хорошо.

— И если увидишь, что дом совершенно непригоден для жизни, не упряйся. Возвращайся.

Марина села в машину.

— Я не вернусь.

— Все так говорят в первые дни.

Она закрыла дверцу.

Сергей остался стоять у подъезда. В зеркале заднего вида он быстро уменьшался, превращаясь в серую фигуру на фоне дома. Марина ждала, что почувствует облегчение или страх. Но внутри было пусто.

Навигатор показывал девять часов пути.

Она ехала, почти не останавливаясь. Город постепенно оставался позади, многоэтажные дома сменялись посёлками, поля — лесами, а широкое шоссе — узкой дорогой с разбитым асфальтом.

Несколько раз звонил сын. Никита жил отдельно, работал в компании отца и о предстоящем разводе узнал от Сергея.

Марина не отвечала. Ей не хотелось объяснять собственному ребёнку, почему в пятьдесят лет она купила неизвестный дом в неизвестном городе. Особенно когда сама не могла этого объяснить.

После шестого звонка Никита прислал сообщение:

«Мам, папа сказал, ты уехала. Перезвони. Я волнуюсь».

Она написала:

«Со мной всё хорошо. Позвоню завтра».

Ответ пришёл немедленно:

«Куда ты едешь?»

Марина выключила телефон.

К вечеру пошёл дождь. Сначала редкий, почти прозрачный, затем тяжёлый и плотный. Дворники не справлялись, встречные фары расплывались в жёлтые пятна. Марина сбросила скорость.

Приозёрск встретил её тёмными улицами и запахом моря. Она ещё не видела воды, но почувствовала её сразу — по солёному ветру, ударившему в приоткрытое окно.

Город оказался больше, чем она представляла. В центре стояли старые двухэтажные дома, магазины ещё работали, возле кафе толпилась молодёжь. Дальше улицы становились темнее и тише. Навигатор повёл машину вдоль побережья, затем приказал свернуть в переулок, на котором почти не было фонарей.

— Вы прибыли, — сообщил бесстрастный голос.

Марина остановилась перед ржавыми воротами.

За ними темнел дом.

На фотографиях он выглядел иначе. Светлые стены, зелёные ставни, балкон над крыльцом. Снимки, вероятно, были сделаны лет десять назад. Теперь штукатурка осыпалась, одна ставня висела на единственной петле, а сад зарос так густо, что дорожку к двери почти не было видно.

Марина сидела в машине, слушая шум дождя.

Сергей оказался прав.

Дом был развалиной.

Она могла развернуться. Переночевать в гостинице, утром позвонить продавцу, потребовать расторгнуть договор или хотя бы признать, что фотографии не соответствовали действительности. Потом вернуться в Москву, снять квартиру и начать нормальный, предусмотрительный развод.

Навигатор погас.

В темноте дом казался огромным и настороженным. В одном из верхних окон на мгновение мелькнул свет.

Марина замерла.

Свет исчез.

Она включила дальние фары. Лучи осветили мокрый фасад, заросший сад и распахнутую калитку. В доме никого не должно было быть. Продавец сообщил, что прежняя хозяйка умерла полгода назад, а её дальний родственник вступил в наследство и решил избавиться от недвижимости.

Марина достала из сумочки договор. Под скреплёнными страницами лежал ключ, полученный у нотариуса.

Большой, старый, совсем не похожий на современный дверной.

Она вышла из машины.

Дождь сразу промочил волосы и воротник пальто. Марина открыла багажник, вытащила чемодан и направилась к калитке. Колёса застревали в земле, поэтому чемодан пришлось нести.

В саду пахло мокрой травой и яблоками. Ветки цеплялись за одежду. Несколько плодов лежали прямо на дорожке, разбитые дождём.

Ступеньки крыльца оказались скользкими. Марина поднялась, поставила чемодан возле двери и вставила ключ в замок.

Он не подошёл.

Она попробовала снова. Перевернула ключ, надавила сильнее. Бесполезно.

— Прекрасно, — сказала Марина вслух.

За спиной раздался хруст.

Она резко обернулась.

У калитки стоял мужчина в тёмной куртке. Из-за дождя его лицо было почти неразличимо.

— Вам помочь?

Марина нащупала в кармане телефон, забыв, что выключила его.

— Кто вы?

Мужчина подошёл ближе, но остановился у нижней ступени.

— Павел Орлов. Живу через два дома.

— Вы следите за всеми, кто приезжает сюда ночью?

— Только за теми, кто пытается открыть чужую дверь.

— Это мой дом.

Он посмотрел на чемодан, затем на ключ в её руке.

— Значит, вы Марина Сергеевна.

— Откуда вы знаете?

— В городе новости распространяются быстрее дождя. Вадим вчера сказал, что дом продан женщине из Москвы.

Вадимом звали прежнего владельца.

Марина немного расслабилась, хотя руку из кармана не вынула.

— Вы знаете, как открыть дверь?

— Этим ключом — никак.

— Почему?

— Это не ключ от входной двери.

— Мне сказали, что от входной.

Павел поднялся на крыльцо. Теперь Марина смогла рассмотреть его лицо: резкие скулы, тёмные глаза, короткие волосы с ранней сединой у висков. На вид ему было около сорока пяти. Дождь стекал по его лбу, но он словно не замечал.

— Дайте посмотреть.

Марина неохотно протянула ключ.

Павел повертел его в пальцах.

— Старый шкаф или секретер. Может быть, дверь внутри дома. Входной замок здесь меняли лет пять назад.

— А ключ?

— Обычно лежал под камнем.

— Вы часто сюда заходили?

— Ремонтировал крышу, пока была жива Анна Михайловна.

Он спустился, подошёл к краю крыльца и ногой отодвинул плоский камень. Под ним действительно оказался маленький металлический ключ.

Дверь открылась с первого раза.

Из дома пахло сыростью, пылью и чем-то ещё — сладковатым, едва уловимым. Возможно, сушёными травами.

Павел нашёл выключатель. Свет не загорелся.

— Электричество отключено, — сказал он. — За долги.

— Продавец уверял, что всё оплачено.

— Продавцы много чего уверяют.

Марина включила фонарик на телефоне. Узкий луч выхватил старинную вешалку, зеркало в потемневшей раме и лестницу на второй этаж.

На полу тянулись влажные следы.

Марина направила свет вниз.

Следы были похожи на отпечатки мужских ботинок. Они начинались у двери, проходили через прихожую и исчезали в глубине дома.

— Здесь кто-то был, — тихо сказала она.

Павел присел, коснулся одного следа.

— Недавно.

— Вы?

— Нет.

— Тогда кто?

Он поднялся.

— Подождите снаружи.

— Это мой дом.

— Именно поэтому и подождите.

Павел достал из кармана небольшой фонарь и пошёл по следам. Марина осталась на месте ровно на несколько секунд, после чего взяла с вешалки тяжёлую деревянную трость и последовала за ним.

Следы привели на кухню. Окно было приоткрыто. На подоконнике блестели капли дождя.

— Залезли отсюда, — сказал Павел.

— Что могли украсть?

Он осветил пустые полки.

— В доме почти ничего не осталось.

— Тогда зачем сюда залезать?

Павел не ответил.

В гостиной сохранилась старая мебель, накрытая белыми простынями. На стене висели часы. Они остановились без двадцати три.

Возле книжного шкафа лежала перевернутая табуретка. Несколько книг валялись на полу. Ящики письменного стола были выдвинуты и опустошены.

Незванный гость что-то искал.

Марина подошла ближе. На столе остался прямоугольный след в слое пыли, словно здесь долго лежала коробка или толстая книга.

— Вы знаете, что здесь было?

Павел медленно провёл фонарём по столу.

— Нет.

Он ответил слишком быстро.

— Вы лжёте.

— Мы знакомы меньше десяти минут.

— Но я уже вижу, когда мне лгут. В последнее время у меня достаточно практики.

Павел посмотрел на неё внимательно.

— Анна Михайловна никого не пускала к этому столу. Даже меня.

— Почему?

— Не знаю.

В глубине дома что-то стукнуло.

Марина сжала трость обеими руками.

Павел выключил фонарь. В темноте стало слышно, как дождь барабанит по крыше.

Стук повторился.

Он доносился сверху.

Павел жестом велел Марине оставаться на месте и направился к лестнице. Она снова не послушалась.

На втором этаже было холоднее. Двери трёх комнат стояли открытыми. В конце коридора тускло белело окно.

Павел проверил спальню, затем маленькую комнату с пустыми книжными полками. Никого.

Третья дверь вела на балкон. Она хлопала от ветра.

Павел закрыл её.

— Вот и ваш грабитель.

Марина опустила трость.

— А следы?

— Кто-то действительно приходил. Но его уже нет.

Они вернулись вниз. Павел закрыл окно на кухне, осмотрел замок и сказал, что утром поставит новую защёлку.

— Я вас не нанимала.

— Тогда оставьте окно открытым.

— Сколько будет стоить работа?

— Сначала увидим, что здесь вообще можно спасти.

Марина устало прислонилась к стене.

— Вы строитель?

— Архитектор.

— Архитекторы обычно не чинят защёлки.

— В Приозёрске чинят.

Он забрал у неё трость и вернул на вешалку.

— Ночевать здесь нельзя. Нет света, воды и отопления. В гостинице у вокзала должны быть свободные номера.

— Я останусь.

— Из принципа?

— Из-за дождя.

— В гостинице тоже есть крыша.

— Но я её не покупала.

На его лице появилось нечто похожее на улыбку.

— Ваша крыша протекает.

— Значит, поставлю ведро.

Павел посмотрел на промокшее пальто, дорогие туфли, испачканные землёй, и чемодан у двери.

— Вы надолго?

Марина хотела сказать, что навсегда, но это прозвучало бы слишком театрально.

— Не знаю.

— В этот дом редко приезжают просто так.

— А зачем приезжают?

— Чтобы что-нибудь найти. Или спрятать.

— А я приехала, чтобы меня никто не нашёл.

— Тогда вы выбрали неправильный город.

Он снял куртку и набросил ей на плечи.

— Через десять минут вернусь с генератором и водой.

— Я не просила.

— Здесь люди редко ждут, пока их попросят.

Павел вышел.

Марина закрыла дверь и осталась одна.

Дом окружил её тишиной. Она медленно прошла в гостиную, подняла табуретку и стала собирать книги. Большинство оказалось старыми романами, изданными ещё в советское время.

Под шкафом белел уголок бумаги.

Марина наклонилась и вытащила плотный конверт. На нём выцвели чернила, но имя можно было разобрать:

«Алексею Воронцову. Лично».

Конверт был запечатан.

Марина провела пальцем по надписи. Она не знала ни Анну Михайловну, ни Алексея Воронцова. Не знала, кто перевернул дом и что искал в письменном столе.

Она собиралась положить письмо обратно, когда заметила возле шкафа латунную замочную скважину.

Небольшая дверца была искусно врезана в деревянную панель и почти не отличалась от стены.

Марина достала из кармана большой старый ключ.

На этот раз он подошёл.

Замок щёлкнул.

За дверцей находилась узкая ниша. В ней лежали детская фотография, связка из пяти ключей и газетная вырезка двадцатитрёхлетней давности.

На фотографии молодая женщина держала на руках новорождённую девочку.

У женщины было лицо Марины.

Только Марина никогда прежде её не видела.

Глава 2. Сосед

Павел вернулся через двадцать минут.

Кроме генератора и двух канистр воды он принёс электрический фонарь, складную кровать, термос и клетчатый шерстяной плед. Марина стояла в гостиной, держа в руке детскую фотографию.

Услышав, как открылась входная дверь, она торопливо убрала снимок обратно в нишу. Не потому, что решила скрыть находку. Просто ещё не понимала, что именно нашла и имеет ли право показывать это постороннему человеку.

Связку ключей и письмо Алексею Воронцову Марина оставила там же. Дверцу закрыла, а старый ключ положила в карман пальто.

Павел появился на пороге гостиной с генератором в руке.

— Вы не обязаны были всё это приносить.

— Знаю.

— Тогда зачем принесли?

— Чтобы ночью вы не сожгли дом свечами.

Он поставил генератор возле стены и оглядел комнату. Взгляд задержался на письменном столе, потом переместился к книжному шкафу. Марине показалось, что Павел заметил перемены: поднятую табуретку, собранные книги или едва различимую полоску на полу возле тайной дверцы.

Но спрашивать он не стал.

— Генератор будет стоять во дворе, — сказал Павел. — Здесь им пользоваться нельзя. Провода протянем через кухонное окно. Хватит для двух ламп и обогревателя.

— У меня нет обогревателя.

— Теперь есть.

— Вы всегда приходите к незнакомым женщинам с кроватью и обогревателем?

Он снял с плеча сумку с инструментами.

— Только если они покупают дом Анны Михайловны и решают провести в нём ночь.

— Что особенного в этом доме?

— Старый.

— В городе много старых домов.

— Этот дольше других ждёт ремонта.

Марина посмотрела на него.

— Вы всё время так отвечаете?

— Как?

— Будто знаете больше, чем хотите сказать.

Павел отвернулся и направился на кухню.

— Сначала запустим генератор.

Он работал быстро, не делая лишних движений. Закрепил провод, проверил розетку, заменил сломанную защёлку на окне. Марина держала фонарь, хотя чаще светила не туда. Её руки дрожали от холода и усталости.

— Вы замёрзли, — заметил Павел.

— Нет.

— У вас зубы стучат.

— Это от возмущения.

— Тогда вы очень сильно возмущены.

Когда генератор заработал, на кухне загорелась лампа. Свет оказался слабым, желтоватым, но после темноты показался почти праздничным.

Павел поставил на стол две эмалированные кружки и налил чай из термоса.

— С сахаром?

— Без.

Он подвинул ей кружку.

— Завтра нужно съездить в коммунальную службу, заключить договор и подключить электричество. Водопровод проверим утром. Если трубы не лопнули, вам повезло.

— А если лопнули?

— Будет дорого.

— Насколько?

— Достаточно, чтобы вы вспомнили о гостинице.

Марина обхватила кружку ладонями.

— Вы хотите, чтобы я уехала?

Павел сел напротив.

— Мне всё равно.

— Не похоже.

— Анна Михайловна была хорошим человеком. Не хочется смотреть, как её дом окончательно развалится.

— Поэтому вы чините его бесплатно?

— Я не говорил, что бесплатно.

— Сколько я вам должна за сегодняшний вечер?

— Нисколько.

— Это называется бесплатно.

— Сегодня вы ещё ничего не заказывали. Завтра составим список работ и смету. После этого сможете испугаться и уехать.

Марина отпила чай. Он был крепким, с запахом чабреца.

— А если не испугаюсь?

— Тогда будем ремонтировать.

— «Будем»?

— Я и люди, которых найму. Вы будете мешать.

Она неожиданно улыбнулась. Впервые за последние две недели — не из вежливости и не для того, чтобы кто-то не заметил её состояния.

Павел тоже едва заметно улыбнулся, но сразу стал серьёзным.

— В городе есть строительная фирма. Могу дать номер владельца, если не хотите иметь дело со мной.

— Почему я могу не захотеть?

— Потому что я не обещаю сделать быстро и дёшево.

— Зато честно?

— Этого я тоже не обещаю. Честность обычно оказывается самой дорогой частью ремонта.

Некоторое время они молча пили чай. Дождь становился тише. Где-то в стене шуршало — то ли мышь, то ли вода стекала по старой трубе.

— Кто такая Анна Михайловна? — спросила Марина.

Павел поставил кружку на стол.

— Последняя хозяйка дома.

— Я это знаю.

— Учительница литературы. Почти сорок лет проработала в школе. После смерти сестры жила одна.

— У неё не было детей?

— Нет.

Марина вспомнила фотографию женщины с младенцем.

— Вы уверены?

— В городе все так считали.

— А сестра?

— Елена. Она была намного младше. Уехала больше двадцати лет назад.

— Куда?

— Не знаю.

Ответ снова прозвучал слишком быстро.

— Вы ведь знали её?

— Видел несколько раз. Я тогда учился в институте и приезжал домой только на каникулы.

— Сколько ей было лет?

Павел нахмурился.

— Зачем вам это?

— Хочу знать историю дома, который купила.

— Примерно двадцать пять. Может, меньше.

— Она была замужем?

— Нет.

— А ребёнок у неё был?

Павел поднял на Марину глаза.

Теперь она поняла, что попала в цель.

— Почему вы спрашиваете?

— Просто интересно.

— Нет. Не просто.

Он встал и подошёл к окну. За стеклом блестела мокрая трава.

— Вы что-то нашли?

Марина могла показать ему фотографию, письмо и ключи. Возможно, Павел помог бы разобраться. Но внутренний голос, молчавший все годы семейной жизни, теперь впервые потребовал осторожности.

Когда-то она безоговорочно доверяла Сергею. Подписывала документы, не читая. Принимала его решения. Считала, что честность с близким человеком всегда вознаграждается такой же честностью.

Она больше не хотела отдавать кому-либо право распоряжаться тем, чего сама ещё не поняла.

— Только старые книги.

Павел долго смотрел на неё.

— Анна Михайловна не любила, когда трогали вещи Елены.

— Значит, вещи остались здесь?

— Некоторые.

— Почему Елена их не забрала?

— Уезжала в спешке.

— Что произошло?

— Вам лучше спросить у неё.

— Вы же сказали, что не знаете, где она.

— Не знаю. Но это её история, не моя.

Павел вернулся к инструментам.

— Разложу кровать в гостиной. На втором этаже сыро, там лучше не спать.

— А вы?

— Я пойду домой.

Марина почувствовала неожиданное разочарование, но сразу рассердилась на себя. Она знала этого человека меньше часа.

— Конечно.

— Дверь запирайте изнутри. Утром поставлю новый замок.

— Зачем? Тот работает.

— Ключ от него много лет лежал под камнем. Его мог взять кто угодно.

Павел раскрыл кровать, подключил обогреватель и проверил окна. Перед уходом положил на стол визитную карточку.

«Павел Орлов. Архитектор».

Ни названия фирмы, ни адреса. Только телефон.

— Я приду около восьми.

— Я могу спать.

— В восемь уже не будете.

— Почему вы так уверены?

Он посмотрел на потолок.

— В шесть начнут кричать чайки. В семь сосед заведёт трактор. А примерно в половине восьмого потечёт крыша над вашей кроватью.

— Вы специально поставили её под протечкой?

— Так вы точно не проспите.

Дверь за ним закрылась.

Марина повернула новый засов. Потом ещё раз проверила все окна, хотя понимала, что человек, уже побывавший в доме, вряд ли вернётся этой ночью.

Она переоделась в тёплый спортивный костюм, завернулась в плед и легла. Спать не хотелось.

Телефон снова включился и сразу начал принимать сообщения.

Сергей спрашивал, добралась ли она.

Никита прислал одиннадцать пропущенных вызовов.

Кристина написала: «Марина, я понимаю, что сейчас вы не хотите меня слышать, но нам необходимо поговорить».

Марина удалила сообщение, не открывая.

Никите она отправила адрес дома и короткое: «Я в безопасности».

Сын позвонил через несколько секунд.

На этот раз Марина ответила.

— Мам, что происходит?

— Ничего. Я приехала.

— Куда приехала? Что это за адрес?

— Мой новый дом.

— Папа сказал, что ты купила какую-то развалину.

— Он её не видел.

— А ты видела?

Марина посмотрела на потрескавшийся потолок.

— Теперь вижу.

— Я завтра приеду.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что ты приедешь не ко мне. Ты приедешь выполнять поручение отца.

Никита замолчал.

— Он волнуется.

— Сергей никогда не волнуется. Он оценивает риски.

— Мам, вы прожили вместе двадцать три года. Нельзя просто взять и исчезнуть.

— Можно. Я проверила.

— Ты ведёшь себя как ребёнок.

Слова ударили сильнее, чем Марина ожидала. Возможно, потому, что Никита говорил голосом отца.

— А ты — как сотрудник Сергея Андреевича.

— При чём здесь моя работа?

— Ни при чём. Спокойной ночи.

— Мам, подожди...

Она отключилась.

Комната снова погрузилась в тишину.

Марина выключила лампу. За окнами шумело море. Она пыталась представить его: тёмную воду, пену на камнях, редкие огни кораблей вдали. Завтра утром она обязательно спустится к берегу.

Сон пришёл незаметно.

Проснулась Марина от скрипа.

Кто-то медленно открывал входную дверь.

Она села на кровати. Обогреватель продолжал работать, генератор гудел во дворе. Свет в гостиной был выключен.

Скрип повторился.

Марина нащупала телефон и трость, которую снова принесла из прихожей. На экране светилось 03:17.

Засов был закрыт. Человек снаружи не мог войти, но продолжал поворачивать ключ в замке.

Марина набрала номер Павла.

Он ответил сразу.

— Что случилось?

— Кто-то у двери.

— Не подходите. Я иду.

В трубке послышался шум, затем звонок оборвался.

Марина стояла в темноте, сжимая трость. Человек за дверью прекратил возиться с замком.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом в окно гостиной ударил луч фонаря.

Марина отступила к стене.

Свет скользнул по потолку, мебели, письменному столу. Человек находился в саду и осматривал комнату через стекло.

Фонарь погас.

Снаружи хрустнула ветка.

Через минуту послышался быстрый топот. Кто-то бежал к калитке.

Почти одновременно на улице хлопнула дверь. Раздался голос Павла:

— Стой!

Марина бросилась к окну.

В свете фонаря она увидела две фигуры. Одна перелезала через ограду, другая бежала следом. Незнакомец спрыгнул на улицу. Павел попытался схватить его, но тот вырвался и исчез между домами.

Павел остановился возле ворот.

— Вы целы? — крикнул он.

Марина открыла дверь.

— Да.

— Я же сказал не подходить!

— Он уже убежал.

Павел вошёл, тяжело дыша. На щеке темнела свежая царапина.

— Вы его видели?

— Только со спины.

— Мужчина?

— Похоже. Высокий, в капюшоне.

— Что ему было нужно?

— Откуда мне знать?

Павел посмотрел на неё так, будто сомневался.

— Вы нашли что-нибудь, о чём мне не сказали?

— Нет.

Он подошёл к письменному столу. Провёл рукой по поверхности, открыл пустые ящики, затем осмотрел книжный шкаф.

Марина старалась не смотреть на потайную дверцу.

— Он приходил сюда не впервые, — сказал Павел. — И вернулся, потому что не нашёл нужную вещь.

— Может, искал деньги.

— Здесь никогда не было денег.

— Откуда вы знаете?

— Анна Михайловна жила на одну пенсию.

— Тогда что?

Павел повернулся к ней.

— Вот это я и хочу понять.

— Вызовем полицию.

— И что скажем? Кто-то пытался открыть дверь ключом, который много лет лежал под камнем. Ничего не украдено, замок не повреждён.

— Вы видели человека.

— Со спины.

— Но заявление примут.

— Примут. И положат в папку.

— Вы очень высокого мнения о местной полиции.

— Я хорошо её знаю.

Марина включила свет.

— Что вы предлагаете?

— До утра побыть у меня.

— Нет.

— Это не просьба.

— А что?

— Здравый смысл.

— Я не уехала за девятьсот километров, чтобы в первую же ночь позволить незнакомому мужчине распоряжаться моей жизнью.

— Незнакомый мужчина хотя бы не пытается взломать вашу дверь.

— Пока.

Павел коротко рассмеялся.

— Хорошо. Оставайтесь. Я посижу на кухне.

— До утра?

— До утра.

— У вас нет семьи, которая будет волноваться?

Улыбка исчезла.

— Дочь у бабушки. Больше волноваться некому.

Он произнёс это без жалости к себе, но Марина почувствовала за словами закрытую дверь. Такую же, как та, что обнаружилась за книжным шкафом.

— Ваша жена?

— Умерла.

— Простите.

— Не надо.

Павел ушёл на кухню.

Марина снова легла, но теперь прислушивалась к каждому звуку. Несколько раз ей казалось, что незнакомец вернулся. Однако в саду лишь шумел ветер.

Под утро она всё-таки уснула.

Павел сидел за кухонным столом и смотрел на визитную карточку, которую перед уходом взял обратно из гостиной. Он не хотел оставлять Марине свой номер. Но ещё меньше хотел объяснять себе почему.

Двадцать три года назад он видел такой же страх в глазах Елены.

Она стояла на вокзале с одним чемоданом и повторяла, что должна уехать немедленно. Павел был слишком молод, чтобы задавать правильные вопросы. Он помог донести вещи до поезда, а потом много лет убеждал себя, что больше ничего не мог сделать.

Теперь в доме Елены поселилась другая женщина.

И в первую же ночь кто-то пришёл за письмом, которое, по мнению Павла, давно было уничтожено.

Глава 3. Девушка из архива

Лера не любила слово «приёмная».

В детстве ей казалось, что оно означает временность. Приёмная комната, приёмный день, приёмный покой. Место, где человека ненадолго оставляют, а потом отправляют дальше.

Мама никогда не называла её приёмной дочерью.

— Ты наша, — говорила она. — Всё остальное не имеет значения.

Лера верила ей до шестнадцати лет, пока случайно не нашла документы.

Они лежали в нижнем ящике отцовского стола, под гарантийными талонами и квитанциями. Лера искала старый заграничный паспорт для школьной поездки и увидела папку со своей фамилией.

Фамилия была нынешней — Крылова. Имя тоже не изменилось. А вот отчество оказалось другим.

В свидетельстве о рождении она значилась Валерией Алексеевной Вороновой.

В графе «мать» стояло: Елена Михайловна Воронова.

Строка об отце оставалась пустой.

Лера не устроила скандал. Закрывает ящик, поехала на занятия и вернулась домой как обычно. Несколько дней ждала, что родители сами заговорят с ней. Они не заговорили.

Тогда она спросила прямо.

Мама заплакала. Отец долго ходил из кухни в гостиную и повторял, что они собирались всё рассказать, просто ждали подходящего момента.

Подходящий момент длился шестнадцать лет.

Лера простила их. Или решила, что простила. Но с того дня начала искать женщину, родившую её.

Поиски продолжались шесть лет.

За это время Лера окончила школу, поступила на юридический факультет, бросила его после второго курса и устроилась помощницей в частную архивную компанию. Работа была скучной: разбирать старые папки, оцифровывать договоры, составлять описи. Зато она научилась находить документы, которые кто-то очень старательно спрятал.

В деле об удочерении почти ничего не было.

Заявление Елены Вороновой об отказе от ребёнка.

Заключение органов опеки.

Медицинская справка.

Решение суда.

Лера сотни раз перечитывала заявление. Подпись матери казалась уверенной и чёткой. Женщина добровольно передавала двухмесячную дочь государству, поскольку не имела возможности её содержать.

Никаких объяснений.

Никаких попыток узнать, что произошло с ребёнком.

Никаких писем.

Мама уверяла, что Леру забрали из больницы, когда ей было четыре месяца. Девочка была спокойной, почти не плакала и внимательно смотрела на людей, словно заранее решала, стоит ли им доверять.

— Мы влюбились в тебя сразу, — рассказывала мама. — Папа взял на руки и не хотел отдавать.

Лера знала, что ей повезло. Крыловы дали ей всё: семью, образование, любовь. Желание найти Елену казалось неблагодарностью, и потому она никому о нём не рассказывала.

Перелом произошёл месяц назад.

Компания, в которой работала Лера, получила заказ на оцифровку архива закрывшегося родильного дома. Среди тысяч карточек обнаружилась история болезни Елены Вороновой.

Лера не сразу поверила совпадению. Фамилия была распространённой, но дата рождения ребёнка совпадала.

В деле находилась записка дежурной медсестры:

«Мать отказывается подписывать документы без присутствия адвоката. Утверждает, что ребёнка у неё забирают незаконно».

На следующий день появилась другая запись:

«Пациентка выписана. Заявление об отказе передано представителю органов опеки».

Лера сравнила подпись в медицинской карте с подписью под отказом.

Они были разными.

Эксперт подтвердил бы это осторожнее, но Лере хватило глаз: мать не подписывала отказ от дочери.

Кто-то сделал это за неё.

Она отправила запрос в городской архив Приозёрска — места рождения Елены. Через три недели пришёл ответ. По указанному адресу женщина давно не проживала. Дом принадлежал её старшей сестре Анне Вороновой, недавно умершей. Недвижимость выставили на продажу.

Лера позвонила риелтору.

— Дом уже продан, — сообщила женщина. — Новая хозяйка вступила во владение вчера.

— Как её зовут?

— Мы не разглашаем данные клиентов.

— Я родственница прежней владелицы.

— Тогда обратитесь к наследнику.

Наследник, Вадим Гребенюк, оказался дальним племянником Анны. Его номер Лера нашла через социальные сети.

Разговор длился меньше минуты.

— Никакой Елены не знаю, — сказал он. — Анну Михайловну видел раз пять за всю жизнь. Дом получил по закону и продал. Больше меня не беспокойте.

— Там могли остаться семейные документы.

— Дом продавался вместе со всем хламом. Надо было объявляться раньше.

— Кто его купил?

— Какая-то женщина из Москвы.

— Назовите имя.

— Не имею права.

— Вы только что сказали, что она из Москвы.

— До свидания.

Он отключился.

Но Лера уже знала достаточно.

Приозёрск находился в девяти часах езды. На работе она взяла неделю за свой счёт, родителям сказала, что едет к подруге, и купила билет на ночной автобус.

Мама почувствовала неладное.

— Ты какая-то странная последние дни.

— Устала.

— Может, не поедешь?

— Я обещала.

— Позвони, когда доберёшься.

— Обязательно.

Мама обняла её у двери. Лера вдохнула знакомый запах духов и впервые подумала, что поиски биологической матери могут причинить боль женщине, которая была рядом всю её жизнь.

— Мам...

— Что?

Лера хотела признаться. Рассказать о документах, поддельной подписи и поездке. Но слова не появились.

— Ничего. Я люблю тебя.

— И я тебя.

В автобусе Лера почти не спала. За окном проплывали тёмные города, редкие заправки и придорожные кафе. Она снова и снова рассматривала копию фотографии из медицинской карты.

Елена Воронова смотрела прямо в объектив. Светлые волосы были собраны в хвост, лицо казалось уставшим. На обороте медсестра написала дату и номер палаты.

Лере достались её глаза.

Больше сходства она не замечала.

Утром автобус въехал в Приозёрск. Город пах кофе, мокрым асфальтом и морем. У вокзала кричали чайки.

Лера сняла комнату в дешёвой гостинице и отправилась в городской архив.

Здание находилось в бывшей гимназии. За тяжёлой дверью пахло бумагой и пылью. Сотрудница в справочном окне выслушала Леру без особого интереса.

— Дела о рождении хранятся в ЗАГСе.

— Мне нужны сведения о прописке Елены Вороновой и документы на дом её сестры.

— Вы родственница?

— Дочь.

Женщина впервые подняла глаза.

— Документы есть?

Лера положила свидетельство о рождении.

Сотрудница долго смотрела на него, потом куда-то позвонила.

Через несколько минут из боковой двери вышел пожилой мужчина.

— Пройдёмте.

Он представился заведующим архивом Семёном Аркадьевичем и провёл Леру в небольшую комнату с компьютером.

— Что именно вы хотите узнать?

— Куда уехала моя мать.

— Мы не занимаемся поиском людей.

— Но у вас могут быть старые адресные листки.

— Могут. Однако персональные данные...

— Прошло больше двадцати лет. Я её дочь.

Семён Аркадьевич внимательно изучил документы.

— Елена Михайловна Воронова, тысяча девятьсот семьдесят шестого года рождения?

— Да.

— Вы уверены, что хотите её найти?

Вопрос удивил Леру.

— Конечно.

— Иногда люди исчезают не потому, что не могут вернуться.

— Вы её знали?

Он снял очки и протёр стёкла.

— Приозёрск — маленький город.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Семён Аркадьевич открыл базу данных. Несколько минут просматривал записи, затем покачал головой.

— Она была выписана из дома сестры двадцать третьего сентября две тысячи третьего года. Новый адрес не указан.

— Это за месяц до моего рождения.

— Получается, так.

— Она могла уехать в другой город?

— Могла.

— А за границу?

Пальцы архивиста замерли над клавиатурой.

— Почему вы спрашиваете?

— Просто предполагаю.

— В те годы из Приозёрска многие уезжали.

Он распечатал короткую справку и протянул Лере.

В строке «основание снятия с регистрационного учёта» стоял номер документа.

— Что это?

— Распоряжение администрации.

— Можно его посмотреть?

— Оно должно храниться в фонде городского совета.

Семён Аркадьевич поискал номер в базе, затем нахмурился.

— Странно.

— Что?

— Документ отсутствует.

— Потеряли?

— В архиве ничего не теряется. Иногда бумаги передают в другой фонд или неверно отмечают при оцифровке.

— А иногда их кто-то забирает?

Он снова надел очки.

— Вам лучше не делать поспешных выводов.

— Моя мать отказалась от меня на основании заявления, которое, вероятно, подписала не она. Теперь выясняется, что документ о её выписке тоже исчез. Какие выводы вы предлагаете?

— Обратиться в полицию.

— Через двадцать два года?

— Тогда к юристу.

— Я хочу сначала найти мать.

Семён Аркадьевич встал, показывая, что разговор окончен.

— Дом Анны Михайловны недавно продали. Возможно, там сохранились личные вещи.

— Вы знаете новую хозяйку?

— Нет. Но знаю человека, который много лет помогал Анне. Павел Орлов, архитектор. Его мастерская на Набережной улице.

Лера записала адрес.

— Спасибо.

— Девушка.

Она остановилась у двери.

— Если найдёте Елену, не говорите сразу, кто подсказал вам обратиться к Павлу.

— Почему?

Семён Аркадьевич опустил глаза.

— Потому что некоторые старые истории лучше не тревожить.

— Вы только что помогли мне её потревожить.

— И уже жалею.

На улице Лера несколько минут стояла под морсящим дождём. Потом направилась к набережной.

Мастерская Павла располагалась на первом этаже небольшого кирпичного здания. Дверь оказалась заперта. На табличке не было расписания — только телефон.

Лера набрала номер.

— Орлов, — ответил мужской голос.

— Здравствуйте. Мне вас порекомендовали в городском архиве.

После короткой паузы он спросил:

— По какому вопросу?

— Я ищу Елену Воронову.

Молчание стало долгим.

— Кто вы?

Лера посмотрела на фотографию матери.

— Её дочь.

В трубке послышался резкий звук, словно Павел что-то уронил.

— Где вы сейчас?

— Возле вашей мастерской.

— Никуда не уходите.

Он отключился.

Через десять минут возле здания остановился старый тёмный автомобиль. Из него вышел высокий мужчина в рабочей куртке. Рядом сидела женщина со светлыми волосами. Она опустила стекло и внимательно посмотрела на Леру.

Павел подошёл ближе.

— Валерия?

— Да.

— Покажите документ.

— Сначала скажите, зачем.

— Потому что назвать себя дочерью Елены может кто угодно.

Лера протянула свидетельство о рождении.

Он прочитал имя матери и дату, потом посмотрел на неё так, будто увидел человека, которого считал умершим.

— Я не знаю, где Елена, — сказал Павел.

— Но вы её знали.

— Давно.

— Она действительно отказалась от меня?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

Лера почувствовала, как ослабли колени.

— Откуда вы знаете?

Павел вернул свидетельство.

— Потому что она собиралась уехать вместе с вами.

Женщина в машине открыла дверцу.

— Павел, кто это?

Он обернулся.

— Марина Сергеевна, познакомьтесь. Это дочь Елены.

Марина вышла из автомобиля.

Теперь Лера увидела её лицо полностью.

Оно было почти таким же, как лицо женщины на старой фотографии.

— Вы живёте в доме моей тёти? — спросила Лера.

— Теперь это мой дом.

— Там остались вещи Елены?

Марина коснулась кармана пальто.

— Возможно.

— Мне нужно их увидеть.

Павел вмешался:

— Не здесь.

— Почему? — спросила Лера.

— Потому что прошлой ночью кто-то пытался проникнуть в дом.

Лера перевела взгляд с него на Марину.

— Что искали?

— Мы не знаем, — ответила та.

Это была ложь.

Лера поняла сразу. Она слишком долго работала с людьми, которые приносили в архив неполные документы и уверяли, что других никогда не существовало.

Марина что-то нашла.

И уже решила ей не доверять.

Глава 4. Письмо без адреса

До дома ехали молча.

Марина сидела рядом с Павлом, а Лера устроилась на заднем сиденье. В зеркале её лицо то появлялось, то исчезало за отражениями мокрых деревьев. Она не задавала вопросов, но Марина чувствовала её взгляд.

Девушка приехала за ответами. Марина же получила их случайно и теперь боялась отдать слишком быстро.

— Вы действительно похожи на мою мать? — спросила Лера.

— Я видела только одну фотографию.

— И?

— Сходство есть.

Павел крепче сжал руль.

— Фотография была в доме? — спросил он.

Марина поняла, что проговорилась.

— За книжным шкафом есть тайник.

Автомобиль резко замедлился.

— Что ещё вы нашли?

— Письмо, газетную вырезку и пять ключей.

— Кому письмо?

— Алексею Воронцову.

Павел остановил машину у обочины.

— Вы его открывали?

— Нет.

— Почему?

— Оно адресовано не мне.

Лера подалась вперёд.

— Если его писала моя мать, оно касается и меня.

— Мы пока не знаем, кто его написал.

— Но вы нашли его рядом с фотографией.

— Поэтому я и собираюсь сначала всё проверить.

— Проверять мою жизнь будете вы?

В голосе Леры прозвучала такая боль, что Марина обернулась.

— Я не пытаюсь отнять у вас прошлое.

— Оно и так у меня отнято.

Павел снова тронулся с места.

— Письмо должно остаться закрытым, пока мы не поймём, кто такой Воронцов.

— Я уже знаю, — сказала Лера. — Алексей Воронцов владеет строительной компанией.

Его фирма собирается возводить здесь жилой комплекс.

— Откуда вам известно?

— Я умею искать документы.

Она достала телефон. На экране появилась фотография мужчины лет пятидесяти: дорогой костюм, седина на висках, спокойный взгляд человека, привыкшего принимать решения.

Марина узнала фамилию. Несколько лет назад Сергей пытался получить подряд у компании Воронцова, но сделка сорвалась.

— Мой муж знаком с ним.

— Насколько близко? — спросил Павел.

— Не знаю. Сергей редко рассказывал о работе.

— А вы редко спрашивали?

— Я верила, что, если что-то важно, он расскажет сам.

Лера горько усмехнулась.

— Люди обычно рассказывают только то, что выгодно им.

Марина не стала спорить.

Возле дома стоял полицейский автомобиль. У калитки их ждал мужчина в форме. Павел представил его капитаном Руденко.

Тот осмотрел сорванную защёлку, сфотографировал следы и записал объяснения. Узнав о тайнике, потребовал показать находки.

— Ничего не трогайте, — предупредил Павел.

— Это вы мне говорите?

— Я говорю как владелец...

— Владелец здесь Марина Сергеевна.

Руденко перевёл взгляд на неё.

— Покажете?

Марина открыла нишу старым ключом. Внутри лежали фотография, связка ключей, газетная вырезка и конверт.

Лера первой взяла снимок. Несколько секунд она просто смотрела, а затем коснулась лица женщины.

— Это она.

— Вы уверены? — спросил Руденко.

— У меня есть другая фотография из больницы.

На газетной вырезке была статья о благотворительном вечере, состоявшемся двадцать три года назад. Среди организаторов назывался молодой предприниматель Алексей Воронцов. На размытом снимке он стоял рядом с Еленой.

— Значит, они были знакомы, — сказала Марина.

Лера перевернула вырезку. На обороте рукой было написано: «Он должен узнать правду».

Руденко надел перчатки и взял конверт.

— Если заявление касается взлома, письмо может стать доказательством.

— Вы собираетесь его вскрыть? — спросила Лера.

— Нет. Заберу под расписку.

— Не отдам, — сказала Марина.

— Это может быть важно.

— Именно поэтому оно останется здесь.

Капитан недовольно поджал губы, но спорить не стал. Он переписал имя адресата и сфотографировал конверт.

Пять ключей отличались друг от друга. Два были обычными дверными, один — маленьким, вероятно от шкатулки, четвёртый напоминал ключ от камеры хранения. На пятом висела металлическая бирка с цифрой 47.

— В старом вокзале были ячейки, — сказал Павел. — Их закрыли лет десять назад.

— Куда делись вещи? — спросила Лера.

— Невостребованные передали на склад.

Руденко записал номер бирки.

— Я узнаю.

Когда полицейский уехал, Лера снова потребовала открыть письмо.

— Оно могло быть написано моей матерью отцу.

— А могло быть написано Анной, — возразила Марина.

— Тогда почему не отправлено?

Павел стоял у окна.

— Потому что Анна боялась.

— Чего?

— Семьи Воронцовых.

Лера повернулась к нему.

— Вы знали об их отношениях?

— Весь город знал, что Алексей приезжал к Елене. Его отец был против. Потом Елена исчезла, а Воронцов больше не появлялся.

— И вы решили, что она уехала с ребёнком?

— Она сказала, что заберёт дочь из больницы и уедет.

— Но меня уже забрали.

— Я этого не знал.

— Вы ни разу не попытались её найти?

Павел выдержал её взгляд.

— Пытался. Письма возвращались. Телефон не отвечал. Через год Анна сказала, что Елена просит оставить её в покое.

— А вы поверили?

— Тогда — да.

— Удобно.

Лера положила фотографию на стол и вышла в сад.

Марина хотела пойти следом, но Павел остановил её.

— Дайте ей время.

— Она двадцать два года ждала правды. Думаю, времени у неё было достаточно.

Марина нашла Леру возле старой яблони. Девушка стояла спиной к дому и плакала беззвучно, словно стыдилась даже слёз.

— Я не знала, что у неё отняли меня, — сказала она. — Я столько лет злилась.

— Вы имели право.

— На кого? На женщину, которую, возможно, заставили исчезнуть? На родителей, боявшихся сказать правду? На людей, подделавших документы, но даже имён которых я не знаю?

Марина встала рядом.

— Иногда сначала нужно разрешить себе злиться. Разобраться можно потом.

— Вы так поступили с мужем?

— Нет. Я сбежала раньше, чем успела рассердиться.

Лера вытерла лицо.

— Вы поэтому купили дом?

— Наверное. Хотела место, в котором никто не знает, кем я была.

— А нашли место, где все хотят знать, кем была моя мать.

До вечера Руденко велел никому не покидать участок. Он вызвал криминалиста из районного центра, а сам снова прошёл по комнатам, записывая, кто к чему прикасался. Марина впервые увидела свой новый дом глазами постороннего человека: облупленные двери, трещины на потолке, чужие вещи в шкафах. Ещё вчера всё это казалось началом свободы. Теперь дом напоминал свидетеля, который слишком долго молчал.

— Вы уверены, что тайник никто не мог обнаружить раньше? — спросил капитан.

— Панель держалась на старой краске, — ответил Павел. — Её не открывали много лет.

— Но кто-то знал, что искать.

Руденко попросил Марину перечислить всех, кому она говорила о покупке. Получился короткий список: Сергей, Никита, риелтор и нотариус. Имя мужа прозвучало неприятно громко.

— Сергей не знает о письме, — сказала она.

— А о доме знает всё, — заметила Лера.

Марина промолчала. Ей не понравилась резкость девушки, но ещё больше — то, что возразить было нечего.

После отъезда полицейских Павел принёс из своего дома инструменты и начал укреплять замок. Марина держала фонарь, хотя на улице ещё не стемнело.

— Вы можете не оставаться, — сказала она.

— Могу.

— Но останетесь?

— Пока дверь не перестанет открываться отвёрткой.

Он работал спокойно, без лишних вопросов. Сергей в похожей ситуации непременно объяснил бы, сколько стоит его время и почему она должна была заранее подумать о сигнализации. Павел просто менял шурупы.

— Вы всегда чините чужие дома? — спросила Марина.

— Только те, которые когда-то обещал сохранить.

— Анне?

Он кивнул.

Павел рассказал, что после исчезновения Елены Анна почти перестала принимать гостей. Она ждала племянницу первые годы, затем говорила, что больше не ждёт, но каждую весну красила зелёные ставни — любимый цвет Елены. Когда здоровье ухудшилось, Павел покупал продукты и ремонтировал крышу. Однажды Анна попросила его найти хорошего покупателя, если с ней что-нибудь случится.

— Почему сами не купили?

— Потому что она просила не меня. Говорила, дом должен достаться человеку, которому тоже нужно начать сначала.

Марина усмехнулась.

— Риелтор сообщил ей о моём разводе?

— Не думаю. Но Анна умела замечать несчастливых людей ещё до того, как они сами это признавали.

— Я не несчастлива.

— Уже нет.

Она посмотрела на него. Павел продолжал затягивать шуруп, словно не сказал ничего важного.

Лера тем временем перебирала документы в гостиной. Среди квитанций она нашла старую телефонную книжку Анны. Большинство номеров давно не существовало, но возле одного московского телефона стояли инициалы «А. В.» и несколько дат. Последняя совпадала с днём исчезновения Елены.

— Она звонила Алексею, — сказала Лера.

— Или пыталась, — ответил Павел.

Они набрали номер. После нескольких гудков ответила пожилая женщина. Услышав имя Анны Вороновой, она насторожилась.

— Здесь раньше жила семья Воронцовых. Я купила квартиру двадцать лет назад.

— У вас не осталось их писем или контактов?

— Нет. Только иногда приходил мужчина и спрашивал корреспонденцию для Алексея. Высокий, с усами. Представлялся помощником его отца.

Павел показал Лере старую газетную фотографию городской администрации. На ней рядом с отцом Алексея стоял молодой Виктор Савельев.

— Он? — спросила Марина женщину по видеосвязи.

— Похож. Только тогда был худее.

После звонка Лера записала имя в блокнот.

— Если Савельев забирал письма, Алексей мог ничего не знать.

— Мог, — сказал Павел. — Но не знать двадцать три года тоже выбор.

Лера вышла во двор. Марина нашла её возле яблони. Девушка держала телефон, но не звонила.

— Приёмным родителям? — спросила Марина.

— Маме. Она считает, что я приехала на пару дней посмотреть дом тёти.

— Почему не рассказали правду?

— Потому что она испугается. Решит, что я хочу заменить её Еленой.

— А вы хотите?

— Я даже не знаю, жива ли Елена. Но если жива... разве можно иметь двух матерей и не предавать ни одну?

Марина села рядом на старую скамью.

— Любовь не квартира. В ней не нужно освобождать место для нового жильца.

— Красиво говорите.

— Это не моё. Моя мама сказала, когда родился Никита и я боялась, что перестану любить мужа так же сильно.

— Перестали?

Марина улыбнулась без радости.

— По другой причине.

Они посмотрели на дом. В одном из окон второго этажа качнулась занавеска.

Марина знала, что наверху никого не было.

— Павел! — крикнула она.

Они вбежали внутрь. На лестнице лежала полоска мокрой земли. След вёл в спальню Елены.

Окно было открыто, а на полу валялись вещи из старого шкафа.

Над кроватью пустовало светлое прямоугольное пятно.

— Здесь что-то висело? — спросила Марина.

Павел побледнел.

— Портрет Елены.

— Зачем кому-то красть старую фотографию?

Он поднял с пола осколок рамки.

— Возможно, на ней был не только её портрет.

Глава 5. Человек на фотографии

Алексей Воронцов не любил окна во всю стену.

Архитектор нового офиса уверял, что они символизируют открытость, но Алексей видел в них другое: любой человек снаружи мог наблюдать за тобой, пока ты считал себя недостижимым.

Он стоял на тридцать втором этаже и смотрел на город, когда секретарь сообщила о приезде Романа Кольцова, директора приозёрского проекта.

— Пусть войдёт.

Кольцов принёс папку с отчётом и привычную уверенность, которую Алексей ценил в подчинённых до тех пор, пока она не превращалась в самоуверенность.

— По побережью почти всё готово, — сказал Роман. — Осталось три участка. Владельцы двух согласны на компенсацию. С третьим возникла проблема.

— Какая?

— Дом недавно перепродан. Новая владелица отказывается обсуждать предложение.

— Значит, предложите больше.

— Участок не стоит таких денег.

— Тогда измените проект.

Кольцов помолчал.

— Дом расположен в центре будущего комплекса. Обойти его невозможно.

Он положил на стол фотографию старого двухэтажного здания с зелёными ставнями.

Алексей не сразу понял, почему перестал слышать собеседника.

Дом почти не изменился. Только сад зарос, штукатурка осыпалась, а на месте белой калитки появились ржавые ворота.

— Кто владеец? — спросил он.

— Марина Лебедева. Жена Сергея Лебедева из «СеверИнвеста».

— Я знаю Лебедева.

— Он готов помочь. Говорит, жена купила дом после семейной ссоры и скоро образумится.

Алексей медленно сел.

— Вы обсуждали с ним давление на собственницу?

— Только варианты переговоров.

— Без моего разрешения?

— Сергей Андреевич сам вышел на нас. Его компания может стать подрядчиком.

— Я не спрашивал, кто на кого вышел.

Кольцов впервые потерял уверенность.

— Я хотел ускорить работу.

— Проект, который ускоряют за моей спиной, обычно заканчивается уголовным делом.

— Ничего незаконного не происходило.

— Тогда вам нечего бояться проверки.

Алексей закрыл папку.

— Приостановите сделки по всем трём участкам.

— Но инвесторы...

— Я сказал: приостановите.

Когда Кольцов вышел, Алексей снова посмотрел на фотографию.

Двадцать три года назад он приезжал к этому дому почти каждый вечер. Елена выходила через сад, чтобы сестра не слышала калитку. Они спускались к морю и строили планы, в которых не существовало его отца, семейной компании и обязательств.

Алексей собирался жениться.

Отец называл Елену охотницей за деньгами. Лишил сына доступа к счетам, угрожал исключить из компании. Алексей впервые не уступил.

Потом Елена исчезла.

На столе в гостинице осталось короткое письмо: «Не ищи меня. Между нами всё было ошибкой».

Алексей искал. Звонил Анне, приезжал к дому, обращался к знакомым. Старшая сестра повторяла, что Елена уехала добровольно и не желает его видеть.

Через несколько месяцев отец тяжело заболел. Алексей вернулся в компанию и научился жить так, будто Приозёрска никогда не существовало.

Он взял телефон и набрал номер, которым не пользовался много лет.

Анна не могла ответить. О её смерти Алексей узнал случайно из городских новостей и не приехал на похороны.

Теперь номер принадлежал другому человеку.

— Слушаю, — ответил мужской голос.

Алексей отключился.

В дверь постучала дочь.

Варвара вошла без приглашения. В двадцать семь лет она управляла благотворительным фондом семьи и единственная говорила с отцом так, будто его должность ничего не значила.

— Ты отменил встречу с инвесторами.

— Перенёс.

— Кольцов вышел от тебя белее стены. Что случилось?

Алексей перевернул фотографию дома.

— Рабочий вопрос.

— Ты всегда так говоришь, когда вопрос не рабочий.

Она села напротив.

— Мама просила напомнить про ужин.

— Я помню.

— Нет, ты поставил уведомление. Это не одно и то же.

Его жена Ирина заслуживала большего, чем мужчина, который часть жизни оставил в чужом приморском доме. Их брак не был несчастливym. Они уважали друг друга, вырастили дочь, пережили болезни и кризисы. Но любви, похожей на ту, что была с Еленой, Алексей больше не испытывал.

Варвара заметила край снимка.

— Что это?

— Старый дом.

— Для проекта?

— Да.

Она перевернула фотографию и удивлённо посмотрела на отца.

— Я его видела.

— Где?

— В твоём старом альбоме. На снимке ты стоял возле этих ворот с какой-то девушкой.

Алексей почувствовал холод.

— Каком альбоме?

— Бабушка отдала мне коробку с фотографиями после смерти деда.

— Она у тебя?

— На даче.

— Привези сегодня.

— Что происходит?

— Ничего.

— Папа.

Он устало провёл ладонью по лицу.

— До знакомства с твоей матерью я любил женщину. Она жила в этом доме.

— Что с ней случилось?

— Исчезла.

— Люди не исчезают просто так.

— В молодости кажется, что исчезают.

Варвара ещё раз посмотрела на снимок.

— Ты собираешься туда ехать?

— Нет.

Он ответил слишком быстро и понял это по выражению дочери.

После ухода Варвары Алексей отменил совещание и заперся в кабинете. На экране остался открытым снимок дома. Он увеличивал окно второго этажа, старую веранду, край сада, словно мог разглядеть там собственную молодость.

Двадцать три года назад он приезжал в Приозёрск на практику. Отец считал архитектуру временной прихотью и заранее приготовил ему место в семейной компании. Елена работала художником в местном театре и подрабатывала экскурсоводом. Она смеялась над его дорогими ботинками, испорченными на первой прогулке по берегу, и не верила ни одному обещанию богатого московского мальчика.

Он добивался её доверия всё лето.

В августе отец приехал без предупреждения. Увидел Елену на веранде и позднее сказал сыну, что такие увлечения проходят, а неравные браки разрушают обе стороны. Алексей впервые открыто ему возразил. Через два дня его срочно отправили в Германию якобы спасти сорванный контракт.

Елена обещала ждать.

Из Германии Алексей звонил в дом каждый вечер. Сначала никто не отвечал. Потом трубку взял мужчина и сообщил, что Елена уехала. Отец показал расписку: Елена будто бы получила деньги и отказалась от любых претензий. Алексей порвал копию, но оригинала не видел.

Вернувшись, он застал дом закрытым. Анна не открыла, хотя за занавеской двигалась тень. Павел встретил его у ворот и ударил прежде, чем Алексей успел задать вопрос.

— Ты знал, что она беременна, — сказал тогда Павел.

Алексей не знал.

Теперь эта фраза вернулась с такой ясностью, что он поднялся из кресла. Значит, Павел знал. Значит, мог знать и о ребёнке.

Он набрал номер проектного отдела.

— Найдите мне всё по старому дому Вороновых, — сказал он Роману Кольцову. — Историю собственников, обременения, любые архивные упоминания.

— Это один из участков комплекса. Там уже начался выкуп.

— Кто его ведёт?

— Партнёрская компания Сергея Лебедева.

— Приостановите.

— Алексей Петрович, у нас сроки перед инвесторами.

— Я сказал: приостановите все сделки по этому кварталу.

Кольцов помолчал.

— Савельев будет против.

— С каких пор мнение заместителя главы города определяет решения моей компании?

— С тех пор как он обеспечивает разрешения.

Алексей отключился. Обычно подобный ответ означал увольнение. Сегодня он лишь подтвердил, что проект давно жил собственной жизнью.

Варвара вернулась через час. Она принесла кофе и села напротив.

— Я рассказала маме, — сказала она.

— Что именно?

— Что ты ищешь женщину из прошлого.

— Я её не ищу.

— Тогда почему служба безопасности уже поднимает архивы?

Он забыл, что корпоративные запросы приходят и Варваре: последние полгода она стажировалась в юридическом отделе.

— Мне нужно понять, что произошло.

— А если у неё был ребёнок?

Алексей посмотрел на дочь.

— Ты тоже прочла надпись?

— Я умею складывать даты. И вижу, как ты боишься.

— Я боюсь не ребёнка.

— А того, что мог прожить чужую жизнь?

Он резко встал, но Варвара не отступила.

— Мама имеет право знать.

— Пока я сам ничего не знаю.

— Удобное правило. Ничего не знать, пока правда не станет безопасной.

Слова дочери болезненно напомнили Павла.

Алексей позвонил Ирине. Она ответила не сразу.

— Варвара что-то рассказала о Приозёрске, — начал он.

— Не нужно, — перебила жена. — Когда будешь готов сказать всю правду, тогда и поговорим.

— Я сам только сегодня увидел фотографию.

— Фотографию увидел сегодня. А имя Елены я слышу во сне двадцать лет.

Ирина отключилась.

Алексей остался у окна. В отражении стекла он впервые увидел не руководителя большой компании, а человека, который строил настоящее на тщательно закрытом прошлом. И теперь старый дом, включённый кем-то в очередной проект, открыл дверь без его разрешения.

Он достал из нижнего ящика старый ежедневник. На странице двадцатитрёхлетней давности сохранился номер приозёрского почтамта и короткая запись: «Передать Лене: вернусь первого сентября». Рядом чужой рукой было выведено: «Сообщение принято В. С.».

Алексей позвонил в архив почты. Сотрудница объяснила, что журналы телефонограмм такого возраста давно уничтожены, однако часть документов могла попасть в краеведческий музей. Тот самый музей, на территории которого теперь находилась старая камера хранения.

Следом пришло сообщение от службы безопасности. Виктор Савельев не просто работал с отцом Алексея. После смерти Воронцова-старшего он несколько лет получал выплаты от семейного благотворительного фонда. Назначение платежей звучало безобидно: поддержка региональных социальных учреждений.

Одним из этих учреждений был частный женский пансионат, закрытый двенадцать лет назад.

Алексей переслал сведения Варваре и попросил никому их не показывать. Почти сразу дочь перезвонила.

— Ты опять хочешь сначала всё решить сам?

— Я хочу проверить факты.

— Тогда проверяй открыто. Иначе ты делаешь то же, что дед: называешь тайну защитой семьи.

Он удалил подготовленную просьбу о конфиденциальности и отправил материалы корпоративному юристу официальным письмом. Маленький поступок, не исправлявший прошлого. Но впервые за много лет Алексей выбрал правду до того, как узнал, будет ли она ему выгодна.

Вечером Алексей приехал домой поздно. Ирина уже спала, а на столе в кабинете лежал альбом.

На первой странице он увидел себя двадцатипятилетнего. Рядом смеялась Елена. За ними стоял дом с зелёными ставнями.

На второй фотографии были Анна, Павел Орлов и ещё несколько знакомых лиц.

Третий снимок оказался тем самым портретом, который недавно сняли со стены. Елена стояла возле моря, положив руку на живот.

На обороте её почерком было написано: «Нас теперь трое».

Алексей перечитал фразу несколько раз.

Дата была поставлена за неделю до исчезновения Елены.

Глава 6. Сын своего отца

Никита приехал в Приозёрск на следующий день после обеда.

Он не предупредил мать. Был уверен: если позвонит, она снова запретит ему приезжать, а он устал разговаривать с короткими сообщениями.

Дом оказался хуже, чем описывал отец. Никита остановил машину у ворот и несколько секунд смотрел на осыпавшийся фасад.

Марина стояла на лестнице с ведром краски. На ней были старые джинсы и мужская рубашка, волосы собраны в небрежный хвост. Такой сын её почти не помнил.

— Ты всё-таки приехал.

— Ты дала адрес.

— Чтобы ты знал, где я. Не чтобы приезжал.

Он обнял её. Сначала Марина напряглась, потом прижалась к сыну.

— Я волновался.

— Это семейное. Твой отец тоже говорит, что волнуется, когда хочет всё контролировать.

— Я не папа.

— Пока не уверена.

Из дома вышла незнакомая девушка с кипой старых бумаг.

— Это Лера, — сказала Марина. — Её тётя жила здесь раньше.

— Дочь Елены, — уточнила девушка.

— Никита. Мой сын.

Они обменялись короткими взглядами.

— Вы приехали за матерью? — спросила Лера.

— Я приехал убедиться, что с ней всё в порядке.

— А если не в порядке, увезёте насильно?

— Простите, это семейное дело.

— Здесь теперь все дела семейные. Просто семьи разные.

Марина вздохнула.

— Не начинайте.

Павел работал на крыше. Услышав машину, он спустился и сухо поздоровался с Никитой.

— Вы Орлов?

— Да.

— Папа говорил, вы уговариваете маму вложить деньги в ремонт.

— Я никого не уговариваю.

— Сколько уже насчитали?

— Никита! — остановила его Марина.

— Я просто хочу понимать.

— Ты хочешь понимать мои расходы или доложить отцу?

— Почему любое моё слово ты связываешь с ним?

— Потому что работаешь у него и приехал на следующий день после его звонка.

Никита достал из машины сумку.

— Я останусь до завтра.

— У нас нет свободной комнаты.

— Переночую в гостинице.

Лера неожиданно сказала:

— В моей комнате две кровати.

— Я не нуждаюсь в благотворительности.

— Тогда можете заплатить половину.

Он хотел отказаться, но Марина уже вернулась к работе.

Вечером они ужинали на кухне. Павел принёс рыбу, Лера купила хлеб и овощи, Марина сварила картофель. Никите всё происходящее казалось странным: мать, ещё неделю назад заказывавшая продукты через приложение, спокойно чистила рыбу и смеялась над замечаниями Павла.

— Тебе здесь нравится? — спросил он.

— Я здесь только второй день.

— Но ты уже решила остаться.

— Да.

— Из-за дома?

Марина посмотрела на Павла, затем на Леру.

— Из-за себя.

Никита заметил конверт на шкафу.

— Что это?

— Старое письмо.

— Кому?

— Алексею Воронцову.

Он замер.

— Тому самому?

— Ты его знаешь?

— Отец ведёт переговоры с его компанией.

Лера положила вилку.

— О чём переговоры?

— О строительстве жилого комплекса.

— Здесь?

— В Приозёрске.

— На каком участке?

— Я не занимаюсь проектом.

Марина смотрела на сына внимательно.

— Но что-то знаешь.

Никита вспомнил папку, которую Сергей передал ему перед отъездом. Он должен был встретиться с Романом Кольцовым и забрать предварительный договор. Отец не говорил, что проект связан с домом матери.

— Возможно, строительство планируют на побережье.

Павел встал.

— Покажите документы.

— У меня их нет.

— Ваша сумка стоит в прихожей, — сказала Лера. — Из неё торчит папка с логотипом «Воронцов Групп».

Никита почувствовал раздражение.

— Вы рветесь в чужих вещах?

— Я увидела логотип.

Марина тихо произнесла:

— Принеси папку.

— Это рабочие документы.

— Дом мой. Если он упоминается в документах, я имею право знать.

— Я не могу нарушить конфиденциальность.

— Значит, ты всё-таки приехал как сотрудник отца.

Никита вышел из кухни, хлопнув дверью.

Он сел в машину и позвонил Сергею.

— Почему ты не сказал, что комплекс строят на месте маминого дома?

На другом конце возникла пауза.

— Кто тебе это внушил?

— Это правда?

— Проект охватывает большую территорию. Её участок — один из многих.

— Ты знал до того, как она купила дом?

— Неважно.

— Для неё важно.

— Твоя мать совершила импульсивную покупку. Через месяц она сама будет благодарна, когда получит двойную цену.

— Ты дал ей деньги на дом, потому что рассчитывал заработать?

— Деньги принадлежали ей.

— Но объявление она нашла случайно?

Сергей заговорил жёстче:

— Никита, ты работаешь в моей компании. Не позволяй семейной истерике влиять на профессиональные решения.

— Мама не устраивала истерику. Она ушла.

— Именно это и есть её истерика.

Никита отключился.

Впервые в жизни он сделал это раньше отца.

Вернувшись в дом, положил папку на стол.

— Копировать ничего нельзя.

Лера раскрыла схему. Красная граница комплекса проходила прямо через дом, сад и соседний участок Павла.

— Здесь подпись Сергея Лебедева, — сказала она.

Марина взяла документ. Муж подтверждал готовность обеспечить выкуп земли и освоение территории до начала строительства.

Дата стояла за три дня до того, как она узнала об измене.

— Он всё знал, — сказала Марина.

— Мам...

— Поэтому не спорил из-за денег. Поэтому помог оформить покупку. Он рассчитывал, что я получу дом, а потом его же компания заставит меня продать.

Павел изучал приложение к договору.

— Тут есть участки людей, которые никогда не соглашались на продажу.

— Может, договорились позже, — предположил Никита.

— Один владелец умер десять лет назад. Наследники не оформлены.

Лера указала на печать администрации.

— Документы на землю подделывали так же, как отказ моей матери.

— Это серьёзное обвинение.

— А это серьёзное совпадение.

Марина закрыла папку.

— Завтра я позвоню Сергею.

— Он будет всё отрицать.

— Неважно. Я хочу услышать, как именно он станет лгать.

После ужина Никита вышел во двор и открыл на ноутбуке служебную почту. Доступ к проекту был ограничен, но отец сам добавил его в рабочую группу месяц назад. Тогда Никита гордился доверием. Теперь каждый файл казался частью ловушки.

В переписке Романа Кольцова с Сергеем обсуждались не только цены. В одном письме Кольцов требовал ускорить оформление «проблемного квадрата». К письму прилагался список владельцев. Возле фамилии Анны Вороновой стояла пометка: «наследников нет». Возле дома Павла: «давление через аварийность».

Никита перечитал дважды.

Павел заглянул через плечо.

— Что значит давление через аварийность?

— Дом признают опасным. Владельцу предложат компенсацию, а если он откажется, переселят через суд.

— Мой дом крепче половины новостроек в городе.

— В документах есть заключение эксперта.

— Эксперт заходил только во двор.

Никита скачал письмо на отдельную флешку. Формально он нарушал правила компании. Практически — впервые делал не то, что заранее одобрил отец.

— Передайте это Руденко, — сказал он.

— Сам передашь.

— Почему?

— Чтобы потом не убедить себя, будто решения принял кто-то другой.

Павел говорил без враждебности, но Никита чувствовал в нём соперника. Не из-за матери — признаться в такой мысли было неприятно. Павел олицетворял жизнь, которую Марина выбрала вместо прежней, и тем самым словно доказывал: их семья была не разрушена случайной ссорой, а давно держалась на привычке.

Марина вышла на веранду с двумя чашками чая.

— Ты сердись на меня? — спросила она.

— За что?

— За то, что ушла.

— Я не ребёнок.

— Взрослые дети иногда сердятся сильнее. Просто умеют называть это иначе.

Никита закрыл ноутбук.

— Я думал, вы помиритесь. Папа всегда исправлял проблемы.

— Он исправлял то, что можно оплатить или организовать.

— Ты могла дать ему шанс.

— Я давала. Только не рассказывала тебе о каждом.

Марина впервые призналась, что измена Кристины была не началом, а последней точкой. Сергей годами принимал решения за неё: выбирал квартиру, работу, круг общения, даже отдых. Он никогда не запрещал прямо. Просто объяснял, почему её желания неразумны, пока она сама от них не отказывалась.

— Но он любил тебя, — сказал Никита.

— Возможно. Только любовь без уважения постепенно становится удобной формой владения.

— Ты говоришь так, будто он чудовище.

— Нет. Это было бы проще. Твой отец обычный человек, привыкший считать себя правым. Я тоже обычный человек, который слишком долго соглашался.

Никита посмотрел на освещённое окно кухни. Лера раскладывала бумаги, Павел чинил задвижку. Здесь никто не спрашивал, заслужил ли он право сомневаться в отце.

— Если компания замешана в подделках, меня могут вызвать как сотрудника.

— Боишься потерять работу?

— Боюсь, что знал достаточно, чтобы догадаться, но не хотел.

Марина положила ладонь ему на плечо.

— Тогда сейчас у тебя есть возможность захотеть.

Утром Никита вместе с Павлом поехал к Руденко и передал копию переписки. Капитан предупредил, что файл без оригинала не станет решающим доказательством, но поможет запросить серверы компании.

— Отец узнает? — спросил Никита.

— Рано или поздно.

— Лучше рано.

Он сам позвонил Сергею и сообщил, что передал документы полиции.

— Ты понимаешь, что сделал? — голос отца стал тихим.

— Пока нет. Но хочу понять.

— Немедленно возвращайся в Москву.

— Нет.

Это было первое «нет», сказанное отцу без объяснений. После звонка Никита почувствовал не облегчение, а пустоту.

Лера ждала возле участка.

— Поздравить? — спросила она.

— С предательством семьи?

— С первым самостоятельным решением.

— Вы слышали разговор?

— Здесь маленький город. Все всё слышат.

Они отправились в архив опеки. Сотрудница нашла регистрационный журнал за год рождения Леры. Номер её дела был вписан другим почерком, между двумя строками. В графе основания стояла ссылка на акт, которого не оказалось в папке.

— Его изъяли по служебному запросу, — сказала архивистка.

— Кто?

Женщина показала карточку. Пять лет назад документ получил Виктор Савельев и не вернул.

Лера сфотографировала запись.

— Пять лет назад начался проект, — сказал Никита.

— Значит, моя история понадобилась им не только двадцать два года назад.

На обратном пути Лера рассказала о приёмных родителях. Отец преподавал физику, мать работала библиотекарем. Они никогда не скрывали удочерение, но просили не искать Елену до совершеннолетия. Потом заболела мать, потом Лера поступила в университет, и поиск всё откладывался.

— Я боялась причинить им боль, — призналась она.

— А сейчас?

— Сейчас боюсь, что правду найдут раньше меня и снова решат, сколько мне можно знать.

Поздно вечером Никита проводил Леру до гостиницы.

— Не нужно было вмешиваться, — сказал он.

— Вы сами привезли документы.

— После того как вы указали на папку.

— Сердитесь на меня, потому что на отца пока не можете.

Он остановился.

— Вы всегда говорите людям неприятные вещи?

— Только если они очевидны.

— И поэтому у вас нет друзей?

Лера побледнела.

— Вы ничего обо мне не знаете.

— Как и вы обо мне.

Они дошли до гостиницы молча.

Перед дверью Лера повернулась.

— Я была неправа. Вы всё-таки выбрали мать, а не отца.

— Я пока никого не выбирал.

— Иногда достаточно перестать молчать.

Никита смотрел, как она поднимается по лестнице. Потом заметил через стекло тёмную фигуру в холле.

Высокий мужчина в капюшоне стоял возле стойки и спрашивал администратора, в каком номере живёт Валерия Крылова.

Глава 7. Пять ключей

Никита вошёл в гостиницу прежде, чем мужчина успел подняться по лестнице.

— Вы кого-то ищете?

Незнакомец обернулся. Лицо скрывала медицинская маска, на голове был капюшон.

— Ошибся адресом.

Он направился к выходу.

Никита попытался остановить его, но мужчина резко оттолкнул его и выбежал на улицу.

У тротуара ждала машина без включённых фар. Номер Никита рассмотреть не успел.

Администратор испуганно повторяла, что ничего не сказала.

— Он показал удостоверение курьера. Спросил, здесь ли Валерия Крылова.

Лера спустилась через несколько минут.

— Кто знал, где вы остановились? — спросил Никита.

— Родители и сотрудники архива.

— Павел?

— Я сказала ему, что живу возле вокзала, но не называла гостиницу.

— Поедете в дом.

— Это приказ?

— Здравый смысл.

— Вы уже говорите как Павел.

Несмотря на возражения, Лера собрала вещи.

Марина не удивилась их возвращению. После ночного взлома дом казался ей ненадёжным убежищем, но всё же безопаснее гостиничного номера, о котором уже узнали посторонние.

Павел проверил окна и запер ворота цепью.

— Нужно понять, что связывает письмо, ключи и документы на землю, — сказал он.

Они разложили находки на кухонном столе.

Первый ключ был большим — тот самый, которым Марина открыла тайник. Второй и третий напоминали дверные. Четвёртый подходил к небольшому замку. Пятый, с биркой 47, мог принадлежать вокзальной ячейке.

— Начнём с дома, — предложила Марина.

Они разделились. Павел проверял замки на первом этаже, Никита — хозяйственные постройки, Марина и Лера поднялись наверх.

В комнате Елены сохранился старый платяной шкаф. Один из ключей подошёл к нижнему ящику.

Внутри лежали детские вещи: крошечная вязаная кофта, носочки, белый чепчик и недошитое одеяло.

Лера прижала ладонь ко рту.

— Она готовилась.

Под одеждой нашли блокнот. Большинство страниц было вырвано. На оставшихся Елена записывала расходы: кровать, коляска, лекарства, билет до Москвы.

Последняя запись гласила: «А. не отвечает. Анна говорит, что он уехал. Не верю».

— Алексей? — спросила Марина.

— Наверное.

На обороте обложки был адрес московской гостиницы.

— Возможно, там они встречались.

Другой ключ открыл кладовую возле лестницы. Среди банок и старой посуды Павел обнаружил металлический ящик. Маленький ключ подошёл к навесному замку.

В ящике находились документы Анны: квитанции, школьные характеристики и дневник последних лет.

Записи становились всё короче. Анна жаловалась на сердце, одиночество и человека, которого называла только буквой «С».

«С. снова требует бумаги. Сказала, что их нет. Он не поверил».

«Приходил человек Воронцова. Не открыла».

«Если со мной что-то случится, ключ у Павла».

Павел перечитал последнюю строку.

— У меня не было ключа.

— Может, она хотела передать, но не успела, — предположила Марина.

Лера обратила внимание на следующую страницу. Там был нарисован прямоугольник с цифрой 47 и написано: «Вокзал. Получить до сноса».

— Значит, ячейка, — сказал Никита.

— Старое здание вокзала ещё существует? — спросила Марина.

— Его используют как склад, — ответил Павел. — Доступ у муниципальной службы.

Он позвонил знакомому, но тот сообщил, что старые ячейки демонтировали. Часть металлических шкафов передали в городской музей, остальные оставили в подвальном хранилище.

— Поедем утром, — решила Марина.

Ночь прошла тревожно. Лера спала в комнате Елены, Никита устроился в гостиной, Павел отказался уходить и лёг на кухонном диване.

Марина долго стояла возле окна. В соседнем доме горел свет. Ей казалось, что кто-то наблюдает за ними.

Утром возле ворот обнаружили обгоревшую папку. Внутри лежала копия договора о строительстве, привезённая Никитой. Оригинал исчез из его сумки.

— Кто-то заходил ночью, — сказал он.

— Все двери заперты, — возразил Павел.

Лера осмотрела пепел.

— Это не наш экземпляр. Здесь другой номер приложения.

На последней уцелевшей странице стояла подпись заместителя главы администрации Виктора Савельева.

— Буква «С», — произнесла Марина.

Павел посмотрел на дневник Анны.

— Савельев работал в опеке, когда родилась Лера.

— Он мог подписывать документы об отказе? — спросил Никита.

— Мог.

Лера сфотографировала страницу.

— Значит, тот, кто подделал отказ моей матери, теперь помогает захватывать землю.

В городском музее их встретила молодая смотрительница. Павел объяснил, что они разыскивают вещи умершей Анны Вороновой.

— Камеры хранения стоят в подвале, — сказала она. — Но ключи давно потеряны.

Подвал пах железом и сыростью. Вдоль стены тянулся ряд ячеек. Номера почти стёрлись, однако цифру 47 удалось разглядеть.

Ключ повернулся не сразу.

Дверца открылась со скрежетом.

Внутри лежала пустая картонная коробка.

Лера опустила на корточки.

— Мы опоздали.

Марина провела рукой по дну. Пыль лежала только по краям. Коробку опустошили недавно.

Павел заметил приклеенный снизу бумажный кармашек. В нём сохранился багажный талон и маленькая фотография.

На снимке Елена стояла рядом с Алексеем Воронцовым. Между ними находился Виктор Савельев.

На обороте Анна написала: «Он помог отцу Алексея разлучить их».

— Что за багажный талон? — спросил Никита.

Лера прочитала дату.

— Выдан через неделю после моего рождения. Один чемодан отправлен поездом в Москву, но получатель его не забрал.

— Где хранят невостребованный багаж спустя двадцать два года? — спросила Марина.

— Нигде, — ответил Павел. — Его давно уничтожили или продали.

Смотрительница, до этого стоявшая у лестницы, тихо сказала:

— Не всегда. После закрытия камеры часть вещей передали в театральный склад. Старые чемоданы использовали как реквизит.

Павел записал адрес.

Когда они вышли из музея, возле машины стоял капитан Руденко.

— Я выяснил, кто интересовался ячейкой сорок семь, — сообщил он. — Три дня назад сюда приходил Сергей Лебедев.

Руденко увёз фотографию и талон на экспертизу. Он попросил смотрительницу выгрузить записи камер за последние две недели. Пока она возилась с компьютером, Марина ходила между музейными витринами и думала о странной настойчивости прошлого. Люди меняли города, фамилии, семьи, строили компании, выросли — а бумажный талон всё это время лежал на дне пустой коробки.

Лера рассматривала фотографию на экране телефона.

— Елена здесь счастливая, — сказала она. — Я ни разу не видела её такой на снимках тёти.

— Потому что этот снимок сделал человек, рядом с которым она была счастлива, — предположила Марина.

— Или за минуту до того, как всё испортилось.

Никита принёс из машины ноутбук. По номеру багажного талона удалось установить маршрут: Приозёрск — Москва, Белорусский вокзал. Получателем значилась Елена Воронова. В графе уведомления был московский адрес, совпадавший с гостиницей из блокнота.

— Если она сама отправила чемодан, почему не получила? — спросил он.

— Не доехала, — ответил Павел.

— Или доехала под другой фамилией, — сказала Лера.

Смотрительница вспомнила, что старые чемоданы передавали в театр партиями. Опись могла храниться у заведующей реквизитом. Она позвонила туда, но никто не ответил.

— Завтра утром откроются, — сказала Марина.

— До завтра тот человек успеет всё забрать, — возразила Лера.

Они поехали к складу. Ворота оказались заперты, внутри было темно. Павел знал сто- рожа, но тот находился в отпуске. Дежурный номер не отвечал.

За оградой стояла тёмная машина. Когда Никита направил на неё камеру, фары включились, и автомобиль резко выехал на дорогу. Он успел снять только две последние цифры номера.

— Тот же человек из гостиницы? — спросила Лера.

— Машину не рассмотрел, — ответил Никита. — Но совпадений становится слишком много.

На обратном пути они остановились у дома Павла. Он хотел забрать запасные замки. Марина впервые вошла внутрь.

Дом был небольшим и удивительно светлым. На стенах висели архитектурные рисунки, фотографии дочери и наброски старого дома Вороновых. На одном эскизе зелёные ставни были открыты, а на веранде стояли две женские фигуры.

— Елена и Анна? — спросила Марина.

— Рисовал по памяти.

— Почему сохранили?

— Потому что не всё старое нужно сносить.

На кухне Павел приготовил кофе. Марина заметила две кружки, стоявшие отдельно на верхней полке.

— Жены? — спросила она и тут же пожалела.

— Да. Ольга купила их в первую годовщину. Одну разбил несколько лет назад, эту пару больше не трогаю.

— Простите.

— Не за что. Она умерла семь лет назад. Долго болела. Аня тогда была подростком и решила, что должна заботиться обо мне. Теперь учится в Петербурге и звонит каждый вечер проверить, поужинал ли я.

— Дети уверены, что родители без них беспомощны.

— Иногда родители старательно поддерживают эту веру, чтобы дети чаще звонили.

Марина улыбнулась.

Павел поставил перед ней новую кружку.

— А вы всё ещё носите кольцо.

Она посмотрела на руку. После ухода кольцо казалось не знаком брака, а следом от слишком тесной вещи.

— Не заметила.

— Не обязаны снимать по расписанию.

— Сергей считает, что я вернусь.

— А вы?

— Я боюсь, что если всё здесь станет слишком трудным, то вернусь не к нему, а к удобству. Это почти хуже.

— Тогда дом полезен. В нём удобства пока нет.

Она рассмеялась и впервые за два дня почувствовала себя не участницей расследования, а женщиной, сидящей на чужой кухне с мужчиной, рядом с которым можно не защищаться.

Когда они вернулись в музей, Руденко уже просматривал запись. К ячейке 47 три дня назад подходил Роман Кольцов. Он предъявил доверенность компании Сергея и провёл в подвале девять минут. Вышел с плоской папкой, но без чемодана.

— Значит, искал документы, а не багаж, — сказал Никита.

— Или не знал, что багаж ещё существует, — заметила Лера.

Руденко увеличил другой фрагмент. За час до Кольцова в музей заходил Виктор Савельев. К подвалу он не спускался, только разговаривал со смотрительницей.

— Он спрашивал, когда будут разбирать старые ячейки, — вспомнила она. — Сказал, администрация хочет освободить помещение.

Павел посмотрел на фотографию Елены, Алексея и Савельева.

— Они оба ищут одно и то же, но, возможно, не вместе.

— Тогда у нас есть преимущество, — сказала Лера. — Каждый из них считает, что доказательство у другого.

— А оно может быть в чемодане, — закончил Никита.

Марина почувствовала, как всё вокруг стало удивительно тихим.

— Мой муж сейчас в Москве.

— Посетитель предъявил доверенность от его компании.

Руденко показал фотографию с камеры наблюдения.

У музейной стойки стоял Роман Кольцов — руководитель приозёрского проекта Алексея Воронцова.

Телефон Марины зазвонил.

На экране высветилось имя Сергея.

Она включила громкую связь.

— Марина, — сказал муж, — нам нужно поговорить о доме.

— Наконец-то.

— Ничего не подписывай и не отдавай людям Воронцова. Ты не понимаешь, во что вмешалась.

— Тогда объясни.

— Не по телефону. Я уже еду в Приозёрск.

Связь оборвалась.

Почти сразу Павлу пришло сообщение с неизвестного номера:

«Отдайте письмо. Иначе следующий пожар будет настоящим».

Он поднял глаза на окна музея.

В стекле второго этажа отражался человек в капюшоне.

Глава 8. Чемодан Елены

Театральный склад находился в бывшем депо за железнодорожными путями. Внутри пахло пылью, краской и мокрым деревом. Между декорациями стояли десятки чемоданов, сундуков и картонных коробок.

Заведующая реквизитом, Тамара Ильинична, долго изучала багажный талон.

— В двухтысячных сюда привезли всё, что осталось после ремонта вокзала. Описи тогда составляли как попало. Если чемодан не выбросили, ищите на верхнем ярусе.

Павел поднялся по шаткой лестнице. Никита светил телефоном, Лера сверяла выцветшие номера. Марина осталась внизу и заметила мужчину у служебной двери. Серый капюшон, медицинская маска.

— Стойте!

Мужчина исчез за дверью. Никита выбежал следом, но вернулся один.

— Уехал на тёмной машине. Номер залеплен грязью.

— Значит, чемодан ещё здесь, — сказала Лера. — Иначе ему нечего было бы искать.

Через двадцать минут Павел снял с полки небольшой коричневый чемодан. На ручке сохранилась половина бумажной бирки. Замок не поддавался ни одному из ключей.

Тамара Ильинична принесла отвёртку.

— Не ломайте, — остановила её Лера. — Это единственная вещь, которую мама собирала для меня.

Она провела пальцем по латунной скважине. Маленький ключ из связки вошёл до конца.

В чемодане лежали два платья, детское одеяло, пачка писем и кассета для диктофона. Сверху — конверт с надписью: «Лере, когда вырастет».

Лера села прямо на пыльный пол.

— Откройте, — тихо сказала Марина. — Если сможете.

В письме было всего несколько строк.

«Моя девочка, если ты читаешь это без меня, знай: я тебя не оставила. Меня заставили подписать пустой лист, но отказа от тебя я не писала. Я поеду к Алексею и вернусь. Если не вернусь, Анна расскажет тебе правду».

Под письмами обнаружилась копия свидетельства о рождении. В графе «отец» стоял прочерк, но на обороте Елена карандашом написала имя Алексея Воронцова и адрес московской гостиницы.

Никита нашёл на дне папку. В ней были копии земельных решений, принятых за несколько лет до рождения Леры. На каждом документе встречалась подпись Виктора Савельева. Несколько участков переходили фирмам, которые позже вошли в структуру «Воронцов Групп».

— Елена собирала доказательства, — сказал Павел. — Возможно, поэтому её разлучили не только с Алексеем, но и с ребёнком.

Тамара Ильинична достала старый магнитофон. Кассета зашипела, затем раздался женский голос.

«Двадцать третье августа. Савельев сказал, что Алексей уехал и видеть меня не хочет. Я ему не верю. Сегодня в больнице мне дали успокоительное, а когда проснулась, Леры не было. Анна требует полицию. Врач говорит, что ребёнок умер, но я слышала её плач».

Лера закрыла глаза. Никита опустился рядом, не решаясь прикоснуться.

Запись продолжилась мужским голосом:

«Ты всё подпишешь и уедешь. Иначе Анна потеряет дом».

Марина узнала этот голос. Накануне он звучал в телефоне её мужа, когда Сергей разговаривал с кем-то из администрации.

— Савельев, — сказала она.

В конце кассеты Елена назвала номер поезда и добавила:

«Если со мной что-нибудь случится, искать надо не в Москве. Они отправят меня туда, где никто не спросит документов».

Тамара Ильинична перемотала кассету и снова прослушала повреждённое место. За шорохом различался далёкий гудок и несколько слогов.

— Может быть, название станции, — предположил Никита.

— Или больницы, — сказала Лера. — Она говорила о документах.

Заведующая нашла в кладовой старый усилитель. Звук стал громче, но яснее не сделался. Павел записал фрагмент на телефон, чтобы позже отдать специалистам.

Пока мужчины занимались плёнкой, Марина осторожно раскладывала содержимое чемодана. В кармане синего платья она нащупала билет до Москвы и аптечный рецепт. Лекарство было выписано на имя Елены за день до отправления багажа. Врач работал в родильном отделении, где появилась Лера.

— Она собиралась ехать сразу после больницы, — сказала Марина.

Лера смотрела на платье.

— Какого оно размера?

— Примерно вашего.

— Можно?

Она взяла платье и приложила к себе. Ткань пахла пылью, но Лере показалось, что под этим запахом сохранилось что-то ещё — мыло, табак, дом. Она тут же рассердилась на себя за выдумку.

В пачке писем оказалось девять конвертов. Семь адресовались Алексею, одно Анне, последнее — человеку по имени Павел. Павел узнал собственную фамилию и отказался читать вслух. Отошёл к окну, вскрыл конверт и долго молчал.

— Что там? — спросила Марина.

— Елена просила присмотреть за Анной, если не вернётся. И не винить Алексея, пока мы не узнаем правду.

— Вы винили?

— Двадцать три года.

Он протянул письмо Лере. Внизу Елена добавила: «Паша, когда-нибудь ты построишь дом, в котором никто не будет бояться. Не соглашайся строить на чужом несчастье».

Павел отвернулся. Марина коснулась его локтя.

— Она хорошо вас знала.

— Лучше, чем я сам тогда.

Никита тем временем изучал документы на землю. Первые сделки проходили через кооператив «Маяк». В интернете сохранилось решение старого арбитражного дела: кооператив представлял Виктор Савельев, а одним из инвесторов был отец Алексея Воронцова.

— Здесь не просто несколько поддельных подписей, — сказал Никита. — Они собирали участки десятилетиями.

— Дом Анны не смогли забрать, потому что она не продала, — предположила Лера.

— И потому что хранила доказательства, — добавил Павел.

Тамара Ильинична вспомнила, что коричневый чемодан несколько лет использовали в спектакле. Потом режиссёр велел убрать его: однажды после представления за кулисы пришёл мужчина из администрации и потребовал отдать реквизит. Она отказала без акта передачи.

— Узнаете его? — Руденко показал фотографию Савельева.

— Нет. Тот был моложе. Представился Романом.

— Кольцов, — сказал Никита.

— Возможно. Он тогда носил бороду.

В театральном архиве нашлась запись с камеры трёхлетней давности. Качество было плохим, но фигура посетителя напоминала Кольцова. Он пришёл за чемоданом задолго до начала нынешнего проекта.

— Значит, проект начался раньше, чем отец признал, — сказал Никита.

Лера спросила, почему чемодан не забрали тайно. Тамара объяснила: после того случая она перенесла ценный реквизит на верхний ярус, а ключ от склада хранила у себя.

— Я думала, он охотится за старинной вещью. Если бы знала...

— Вы сохранили её, — сказала Лера. — Этого достаточно.

Из бокового кармана выпала маленькая записная книжка. Большинство страниц размокло, но на одной читался список фамилий: пять молодых женщин, даты родов и одинаковая пометка — «отказ». Фамилия Елены была подчёркнута.

— Четыре других ребёнка, — прошептала Марина.

— Или четыре других матери, которым солгали, — ответила Лера.

Она сфотографировала страницу, а затем позвонила своим приёмным родителям. Марина отошла, но в пустом складе слова звучали отчётливо.

— Мам, я нашла письмо Елены. Она меня не бросала.

На том конце долго молчали.

— Я знала, что однажды ты найдёшь её правду, — ответила приёмная мать. — Только боялась, что после этого тебе станет больнее.

— Мне и стало.

— Возвращайся домой.

— Не могу. Пока не закончу.

— Ты думаешь, если найдёшь Елену, я перестану быть твоей мамой?

Лера заплакала.

— Боюсь, что ты так подумаешь.

— Я растила тебя не для того, чтобы держать возле себя. Ищи. Потом расскажешь мне всё.

Никита делал вид, что занят телефоном. Когда разговор закончился, он молча подал Лере платок.

— У тебя всегда с собой платок?

— Нет. Взял у Марины.

— Значит, даже утешать самостоятельно ещё не научился.

— Дайте время.

Она улыбнулась сквозь слёзы.

Руденко упаковал кассету, письма и документы в отдельные пакеты. Оригинал письма Лере он позволил оставить после фотосъёмки. Алексейское письмо осталось у Марины: адресат был жив, и юридических оснований вскрывать его без разрешения не было.

— А если в нём ответ на всё? — спросила Лера.

— Тогда ответ подождёт человека, которому его написали, — сказала Марина.

В этот момент где-то у входа упал металлический стеллаж.

Перед тем как идти на шум, Руденко сфотографировал подкладку чемодана. Под швом обнаружилась этикетка московской мастерской и фамилия заказчика — Воронцов. Рядом карандашом был написан номер заказа.

Тамара позвонила бывшей костюмерше театра. Та вспомнила: чемодан принесла Анна Воронова. Она заплатила, чтобы его включили в реквизит и не списывали, а потом каждый год приходила проверять, на месте ли он.

— Почему не забрала документы? — спросила Лера.

— Говорила, пока чемодан здесь, все думают, что он пустой. Дома его найдут первым.

В старом журнале выдачи реквизита сохранилась записка Анны: «Павел, если Лера появится, не отдавай ей всю правду сразу. Сначала убедись, что рядом нет Савельева. Он всё ещё следит».

Лера скомкала лист.

— Даже тётя решила, сколько правды мне можно выдержать.

— Она боялась, — сказал Павел.

— Страх не даёт права распоряжаться чужой жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.